

О ВРЕМЕННЫХ РАМКАХ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ГЕНОЦИДА АРМЯН. ПРЕДГЕНОЦИД

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Установление времени совершения преступлений имеет чрезвычайно важное значение для правильной их юридической квалификации и выявления виновников их совершения. В отличие от обычного уголовного преступления, совершаемого отдельным лицом или незначительными группами лиц, установление времени совершения такого международного преступления, как геноцид, связано с немалыми трудностями. Они вызваны не только сложным составом этого преступления, имеющего различные формы и совершаемого, как правило, государством с привлечением больших масс людей—армии, полиции, населения господствующей или преобладающей национальности. Реализация поставленной цели разрушения целого народа, этнической либо религиозной группы как таковой—протяженный во времени процесс, который проявляется наряду с активными разрушительными операциями и в подготовительных и завершающих мерах. При этом, как свидетельствует имеющийся опыт, во всех без исключения известных случаях геноцида правительства с самого начала принимают меры по сокрытию преступления, уменьшению масштабов и искажению его подлинного характера. Ни одно государство, совершившее геноцид и способствовавшее его совершению, никогда добровольно не признавало своей вины и не раскаивалось в содеянном. История человечества известна целый ряд актов геноцида, но ей не известны случаи, когда бы государства открыто признали совершенные ими преступления.

Совершая или способствуя совершению геноцида, государство понимает, конечно, к каким юридическим и политическим последствиям приведет правильная юридическая квалификация этого тяжкого международного преступления. При этом предметом озабоченности являются в первую очередь не последствия уголовной ответственности индивидов, принимавших участие в этом преступлении, а публично-правовые и политические последствия для самого государства, которые обычно связываются с утратой права на территорию народа, уничтожения которого оно добивалось. Не последнюю роль играет и нежелание войти в историю с позорным и несмыслаемым клеймом государства, совершившего преступление против человечества. Этим определяется стремление любой ценой отрицать сам факт совершения геноцида. С этой целью прибегают к различным приемам и средствам, к которым прежде всего относятся попытки исказить сам характер преступления, представив его либо как эксцессы отдельных «элементов», либо как вынужденную ответную меру, вызванную военными или иными политическими условиями.

Нередко составной частью усилий, направленных на отрицание, уменьшение масштабов и изменение характера геноцида, является сознательное искажение временных рамок совершенных преступлений. Показательно в этом плане отношение турецкого государства к геноциду армян, занявшему почти полвека, равно как и к его пятидесятилетнему предгеноцидному периоду. С тех пор и до сей день все ту-

рекции правительства активно противодействуют признанию геноцида армян, опасаясь его юридических последствий. Центральное место в комплексе мер, предпринимаемых с целью отрицания совершенного преступления, занимают средства, направленные на недопущение его адекватной правовой юридической оценки.

Отнюдь не случайно поэтому, что преднамеренное искажение временных рамок геноцида армян стало одним из средств не только злоостой фальсификации его истории, но и его полного отрицания. Современных апологетов этого преступления устраивает, чтобы в наше время, говоря о нем, стали ограничиваться хронологическими рамками событий первой мировой войны, отождествляя тем самым геноцид армян с военными событиями. Утаивая, когда в действительности началось это преступление и когда оно было завершено, стремятся к созданию и утверждению абсолютно ложного стереотипного клише «геноцида 1915 года».

Как пример такого рода пропаганды укажем на помещенные в виде платной рекламы в ряде газет и журналов различных стран послания членам Европейского парламента, поддержавшим «Армянскую резолюцию», которой подтверждался факт геноцида армян. Обращает внимание как сама постановка вопроса, так и ответ: «Что случилось в 1915 году? Армяне жили в мире и гармонии с турками почти тысячелетие. Но в 1915 году те из них, которые жили в северо-восточной части, восстали против Османского правительства. Как соратники они сотрудничали с царской Россией—военным противником османов с целью изгнать турок и с их земли, где они составляли в регионе подавляющее большинство, и создать государство, основанное на небольшом армянском меньшинстве»¹.

Нет необходимости приводить другие примеры турецкой фальсификации исторической правды, поскольку под этим «документом» поставлены имена дюжины самых солидных организаций Турции, в том числе Турецкой ассоциации Атлантического договора, Союза турецких парламентариев, Конфедерации турецких профессиональных союзов, Ассоциации турецких промышленников и бизнесменов, Ассоциации турецких журналистов, Института внешней политики, Союза турецких журналистов и т. д.

Хотя это и выглядит несколько парадоксально, но такая временная привязка совершенного преступления устраивает тех, кто стремится «опровергнуть» самый факт геноцида армян вообще. Расчет предельно прост: отсекая при помощи этого нехитрого, но коварного приема почти пять десятилетий геноцида армян,—все преступления, которые предшествовали событиям военного времени, как и преступления, совершенные в послевоенный период, стремятся отрицать и сам факт осуществления геноцида в годы войны, представляя действия тогдашнего младотурецкого правительства Османской империи как изолированное, единичное, случайное и чуть ли не мимолетное явление, вызванное чрезвычайными условиями военного времени.

Следует, однако, отметить, что появление стереотипного клише «геноцида 1915 года» нельзя сводить только лишь к козням его апологетов. Для своих целей они ловко используют психологический эффект воздействия начатого в 1915 году варварского акта поголовного физического уничтожения всего населения страны, то обстоя-

¹ International Herald Tribune, July 20, 1987.

тельство, что по своим масштабам и жестокости он затмил все предшествовавшие злодеяния турецкого государства в отношении армян. Действует, конечно, и фактор времени: более отдаленные события изглаживаются из памяти. В результате клише «геноцид 1915 года» кочует из статьи в статью, из книги в книгу, открываются памятники «жертвам геноцида 1915 года». По этой дате начала одной из стадий геноцида—начала операций по полному и поголовному физическому уничтожению армянского народа ежегодно 24 апреля отмечается память жертв этого преступления. Достойно сожаления, что этому стереотипу не избежал и Верховный Совет Армянской ССР при принятии своего в целом важного и долгожданного постановления о геноциде армян.

Распространению этого антиисторичного, не отвечающего действительному положению стереотипа способствует и недостаточная научная разработка проблем, связанных с геноцидом армян, а в более широком плане и то обстоятельство, что общая теория геноцида, включая его периодизацию, отграничение предгеноцида и постгеноцида и т. п. находятся все еще в стадии разработки. И это вопреки тому, что любой акт геноцида имеет свои предпосылки, свое начало и свой конец, которые в зависимости от конкретных условий уместаются в различные временные рамки. Геноцид армян и в этом отношении неординарен: это самый длительный из всех известных случаев этого преступления. Действия, прямо подпадающие под состав этого преступления, совершались без малого полвека.

Геноцид армян, как и любой другой акт геноцида, имел свою пред историю—период предгеноцида, когда создавались предпосылки и условия, необходимые для перехода к совершению самого преступления. Специфической особенностью геноцида армян является и то, что предшествовавший ему период предгеноцида был очень длительным, условия для него вызревали исподволь, на протяжении пяти веков турецкого порабощения Армении. Еще одна особенность геноцида армян состояла в том, что грани между предгеноцидом и геноцидом, как, впрочем, и грани между геноцидом и постгеноцидом выражены не очень четко, вращаясь один в другой. Причина этого явления связана с тем, что предгеноцид армян проходил в ярко выраженном геноцидном обществе, в котором поработанные нации удерживались в покорности постоянной угрозой жестоких преследований по национальному, а в ряде случаев—и по религиозному признакам.

В результате геноцидные акты имели место и в предгеноциде, а с другой стороны—стадии самого геноцида, который занял полвека и прошел различные стадии с различными формами и методами разрушения и уничтожения армянской национальной группы, переходы от одних актов разрушения к другим, более широкомасштабным и тотальным, тоже требовали подготовительной работы. Та же картина, как будет показано ниже, наблюдается и при переходе от геноцида к постгеноциду.

Цели и предпосылки геноцида формируются в период так называемого предгеноцида. В этой же стадии создаются политические и иные условия для «окончательного решения». Поэтому, стремясь осмыслить истоки этого преступления, исследователи обращаются к событиям предшествующей исторической эпохи. В специальной литературе при рассмотрении места и роли предгеноцида в этом преступлении отмечается, что такая стадия его эмбрионального развития предшествовала и геноциду армян. Так, Элизабет Фин, исследуя наиболее явно выраженные случаи геноцида в мировой истории, связанные с евреями, цы-

ганами и армянами, отмечает, что «исторически эти группы были жертвами многократно повторявшихся коллективных насилий» и что в частности жертвами таких насилий были «армяне на протяжении 500 лет турецкого османского господства»². Другой известный исследователь геноцида Лео Купер также пишет, что «есть общества, в которых акты геноцидной резни на протяжении значительного периода времени предшествуют окончательному уничтожению, ярким примером чего является турецкий геноцид против армян»³.

Нет ничего удивительного в том, что турецкая официальная пропаганда в своих попытках отрицать геноцид армян не жалеет усилий для искажения исторической правды о периоде предгеноцида. Удивительно лишь то, что историками и юристами нашей страны, сосредоточивающими внимание на геноциде армян периода 1915—1923 гг., до сих пор не уделялось должного внимания ни четырем первым десятилетиям геноцида, предшествовавшим заключительной его операции, ни тем более пяти векам предгеноцида. Речь, конечно, идет не о том, что этот период не изучается вообще, а о том, что он не изучается как предгеноцид, под углом генетических связей с «окончательным решением», как период формирования предпосылок и условий для геноцида 1876—1923 гг.

Изучение исторических фактов—положения армянского населения в период предгеноцида и характерных черт (признаков) самой Османской империи как «геноцидного общества» подтверждает, что там издавна складывались условия и предпосылки геноцида армян. Более того, исторические факты подтверждают, что там всегда существовала геноцидная практика.

Геноцидный характер турецкого общества, в котором жили армяне на протяжении пяти веков, определялся сочетанием прежде всего политических, религиозных и иных условий, порождавших агрессивность, стремление к захвату чужих земель, к порабощению народов, к созданию образа врага, дегуманизацию общества.

Исходным фактором и политической базой геноцидности турецкого общества и государства был захватнический, насильнический характер чужденациональной власти турецкого государства в порабощенных странах. В целом о геноцидности турецкого общества свидетельствуют факты массовой резни болгар, греков, сирийцев, несторианцев, маронитов, иезидов, и, наконец, курдов в целом.

Армянокий народ в этом отношении не был исключением. От других стран Армении отличало лишь то, что она была порабощена турецкими завоевателями одной из первых—в результате военных походов султанов Мехмеда II Завоевателя и Сулеймана Великолепного, оставалась под их властью дольше всех—вплоть до распада Османской империи, т. е. в периоды наибольшей геноцидной активности турецкого государства, когда она проявлялась с особой силой и жестокостью. В Армении в полной мере подтверждалось положение, что опорой «геноцидного общества» является государство, проводящее политику территориальной экспансии, направленную либо на присоединение, либо на удержание силой порабощенных народов. Основной функцией турецкого «разбойничьего государства»⁴ как организации господства относительно мало-

² Fein Helen, *Accounting for Genocide*, New York, The Free Press, 1979, pp. 3—18.

³ Kuper Leo, *Genocide. Its Political Use in the Twentieth Century*. Yale University Press, 1981, p. 102.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Архив*, т. V, с. 223.

численной пришлой иноплеменной знати, было удержание этих народов в полном повиновении и их ограбление.

Территория армянского народа, как и территории всех других порабощенных народов Османской империи, стала рассматриваться как «собственность» аллаха и «его тени на земле» турецкого султана—халифа. Армянам, низведенным в положение бесправной райи (скота), жизнь даровалась как акт пощады (аман) по усмотрению своих завоевателей и угнетателей при условии и до тех пор, пока они пребывали в своем естественном с точки зрения турок состоянии верноподданной национально-религиозной группы (милет -и- садакка) и беспрекословно подчинялись их воле.

Армяне как объект геноцида представляли одновременно этническую, религиозную и политическую группу. Такое сочетание характеристик объекта геноцида, четко выявившееся в период предгеноцида, соответственно умножало антиармянскую геноцидную силу турецкого общества.

Геноцидность турецкого общества в отношении армян усиливалась резкими различиями в религии, политической истории, уровнях культурного развития. На положении рабов оказался народ с большой историей независимого государственного существования и высокой культурой, принявший христианство в качестве государственной религии. Его поработители—иноплеменные кочевые племена, которые в результате завоеваний превратились в мощную военную державу, глава которой—султан—стал халифом, главой всех мусульман.

Хотя эксплуатация трудолюбивых армянских крестьян и искусных ремесленников и строителей была источником обогащения иноплеменной знати и военной силы государства, хотя армянское купечество обеспечивало международные торговые связи Османской империи, само физическое существование армянского народа всегда рассматривалось турецким государством как политическая опасность.

Объясняется это тем, что в первые века турецкого господства оно не имело в Армении этнических корней. В порабощенной стране проживало многочисленное и компактное армянское население. Посетивший в середине XVII в. Армению французский путешественник Тавернье сообщал: «От Токата до Тавриза страна населена почти одними христианами, и, поскольку эта обширная территория та, которую древние называли Арменией, не нужно удивляться, что в городах и селах пятьдесят армян приходится на одного магометалина»⁵.

Если бы развитие этнических отношений подчинялось естественным процессам, то со временем соотношение между армянами и турками еще больше изменилось бы в пользу армян. Составляя в Армении, как и в других странах, абсолютное меньшинство, и в то же время резко отставая от порабощенных ими народов в экономическом и культурном отношениях, турки как правившая нация были обречены: «если бы они не имели монополии на гражданские и военные должности, они скоро совершенно исчезли бы»⁶.

На протяжении веков в Армении турок выступал как чиновник, солдат, полицейский, земледелец-колонизатор (мохаджир) или как помещик «на самой низкой и варварской стадии феодализма», но «во всех этих социальных положениях он принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступить дорогу самому низкостоящему мусульманину»⁷.

⁵ Tavernier J. B. *Ses six voyages*. Paris, 1678—1681, I partie, p. 32.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IX, с. 391—392.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IX, с. 373—374.

Составляя абсолютное меньшинство, турецкие завоеватели могли сохранять свое господство в Армении и многочисленных других странах только посредством постоянного политического гнета, при помощи государственного насилия, периодических массовых избиений. Миллионы коренных жителей Армении были поставлены вне закона. Армянский христианин, прежде всего, неверный, а «...неверный—это «гяур», это враг. Ислам прокликает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»⁸.

Мечом и заскоружлым религиозным фанатизмом, системой «медленной пытки», скрытого и открытого физического истребления парода турки сотни лет поддерживали свое господство в Армении, действуя по принципу: «армян становится слишком много, нужно сократить их число». Именно в этом заключалась политическая основа курса турецкого государства сперва на сокращение числа и ослабление армян с целью их удержания в «естественном» состоянии «бесправной райи», а потом и полное уничтожение этой национальной группы как таковой.

С того времени, когда армяне стали подавать первые признаки стремления к освобождению, турецкое государство рассматривало их уже не как потенциальную, а как реально существующую инациональную, а потому вражескую политическую группу, не имевшую никаких прав на существование.

Наличие в поработанной Армении коренного армянского населения рассматривалось Османской империей не только как препятствие для сохранения своей власти в Армении, но и для осуществления своей завоевательской политики. В бесконечных, ведущихся веками войнах с Персией турецкие вооруженные силы, чтобы не допустить усиления противника, методично уничтожали армянское население.

Если для турецкого государства политическая значимость армян связывалась прежде всего с существованием самого народа—основы национально-освободительного движения и как препятствия к осуществлению политики захватов чужих земель, с которой связывалось существование империи, то сам турецкий народ руководствовался более простыми мотивами. Для турак-мусульман убийство армян-христиан было долгом правоверных перед богом и его тенью на земле—султаном-халифом. Убивая армянина, турак зарабатывал себе место в раю. К этим «духовным» мотивам массового участия в геноциде армян прибавлялся сильный меркантильный (сегодня сказали бы—социальный) мотив: это была возможность легко завладеть их жилищем, имуществом, женами, детьми, сельскохозяйственными орудиями, скотом.

Ограничимся лишь несколькими свидетельствами—турецкими и иностранными, иллюстрирующими положение армян в период предгеноцида. Турецкий писатель Евлия Челеби, путешествовавший по Армении в начале XVII в., сообщает, что в Эрзруме горизонт кругом был устлан дымом от горевших армянских деревень, а из палаток турецких солдат раздавались звуки музыкальных инструментов и вопли армян. Затем, путешествуя в хвосте турецкой армии, он признается, что был поражен бессмысленными и ужасными жертвами.

Француз Амедей Жюбер, побывавший в Армении спустя полтора века—в 1805—1806 гг., констатирует, что ситуация здесь не изменилась: «в этой несчастной области не существует ни родины, ни безопасности, ни отдыха»; «... вид многих сожженных и опустошенных деревень вызывал во мне самые прустные размышления»,—писал он, проез-

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. X, с. 6.

жая по Армении—«стране, опустошенной набегами разбойников». Область Эрзрума «была настолько опустошена кавалерией, что села были полностью покинуты жителями. Полностью были опустошены и местности от Вана до Аракса»⁹.

Другой путешественник, посетивший Армению в 1807 г., также сообщает об организованных избиениях и грабежах армян, которые не могли сопротивляться, так как им было запрещено иметь оружие. Были разграблены и сожжены все села долины Анджалу, были сожжены села Баязида, а их армянское население бежало в Персию. Всюду были «омерть и опустошение». То же самое в другом районе, который посетил этот свидетель: «Вся равнина от Диадья до Топрак-Кале опять представила картину опустошения». Здесь недавно было сожжено 118 сел, «населенных несчастными армянскими христианами...»¹⁰.

Эти поощрявшиеся и организовывавшиеся правительством грабежи, опустошения и истребления армян продолжались из года в год, из десятилетия в десятилетия, из века в век, принимая все более организованный характер, все более увеличиваясь в масштабах. Принадлежавший армянам хлеб выжигался, скот угонялся, земледельческие орудия увозились, жилища либо разрушались, либо заселялись турками, черкесами, курдами и др., армянские села планомерно уничтожались, армянское население методически истреблялось, изгонялось или обращалось в ислам. В условиях, когда нужно было «выбирать» между мечом и Кораном, целые деревни и районы бывали вынуждены переходить в мусульманство: районы Тортума, Испира, Байбурта в вилайете Эрзрум в 1820 г., Хой, Сливана в вилайете Битлис в 1800 г., Хамшэне, Карадере и др. в вилайете Трапезунд в 1830 г. и т. д. и т. п.

Изучение объективно констатируемых фактов подтверждает, что уже в этот период геноцидная политика турецкого правительства проводилась в трех основных формах: 1) ассимиляции; 2) изгнания; 3) уничтожения.

Одним из основных методов политики ассимиляции в период предгеноцида были насильственная исламизация и отуречивание. Хотя в разное время и в различных районах страны армяне принимали ислам и со временем отуречивались, процесс этот решающего успеха не обеспечивал. Поэтому он во все большей мере подкреплялся политикой изгнания и все более массовых убийств армян.

В период предгеноцида четко обозначалась политическая линия турецкого государства на изменение демографического облика Армении путем стимулирования беженства и эмиграции армян и сопутствовавшего ему планомерного заселения курдами, черкесами и турками-колонизаторами (мохаджирами). Тем самым не только сокращалась численность армян в абсолютном выражении, но и менялось соотношение между армянским населением и всеми другими национальностями, искусственно противопоставленными армянам под общей рубрикой «мусульман».

В эпоху реформ танзимата, с целью разрушить национальное единство армянской территории, низвести армян в положение меньшинства в населенных ими вилайетах и изолировать их были приняты тщательно продуманные меры, направленные на искусственное расчленение этнически компактной территории в большом числе административных

⁹ Voyage en Arménie et en Perse, fait dans les années 1805 et 1806, par. P. Amédee Jaubert... Paris, 1821, p. 23, 24, 93, 363.

¹⁰ Tancoigne T. M., Lettres sur la Perse et la Turquie d'Asie, Paris, 1819, p. 94, 98, 170—171, 181.

провинций с присоединением к ним земель с инонациональным большинством.

В это время Эрзрумский эялет включал в себя следующие лива и санджаки: Эрзрум, Карс, Баязид, Чалдыр, эялет Ван, наряду с армянскими санджаками Ван и Муш включал и не армянские, населенные курдами Хаккиари, Мардин, Версем, Диарбекир. Территории Малой Армении и Киликии распределялись по эялетам Адана, Сивас, Харпут¹¹.

Тогда же было признано, что сохранение национальных имен порабожденных турками стран, в том числе и дальнейшее официальное сохранение за искони армянской территорией своего имени Эрменистан, «придавая территориальному делению империи слишком много политического и исторического значения и сильно благоприятствуя областному партикуляризму, может повредить успеху нового режима административной централизации»¹².

В процессе предгеноцида была почти полностью разработана технология «обезлюдивания» и были созданы предпосылки для перехода к стадии широкомасштабного геноцида. Сложился государственный механизм, ориентированный на геноцид армянского населения, которое было полностью лишено возможности безопасного существования. Турецкое государство ревностно добивалось, чтобы армяне были полностью безоружны, лишены средств самозащиты в стране, где все кроме них — турки и другие мусульмане (черкесы, курды и балканские мохаджирь) были вооружены с головы до ног.

История армянского предгеноцида полностью подтверждает правоту наблюдений исследователей, отметивших, что предгеноцид содержит «некоторые элементы геноцида». Отмеченное Лео Купером уничтожение частей той или иной национальной группы «например, путем сметения целых сел»¹³ полностью относится к предгеноциду армян.

К концу периода предгеноцида турецкое государство стало использовать для массовой резни армян вооруженные силы и формирования, которые финансировались и вооружались правительством. В этой связи можно было бы указать на резню армян и ассирийцев в 1850 году. Акт резни с участием войск был совершен в 1862 году в Зейтуне.

В любой другой стране такого рода акты квалифицировались бы как геноцид, но в условиях турецкого геноцидного общества, где преступления, немислимые по любым человеческим меркам, оказывались превзойденными на последующих этапах, при разграничении предгеноцида армян поневоле приходится оперировать методом сравнительной оценки. В результате этого самые настоящие акты геноцида рассматриваются как относительно меньшее зло и относятся к периоду предгеноцида.

Объективно констатируемые факты, относящиеся к периоду предгеноцида в Западной Армении, показывают издавна определившуюся четкую тенденцию к его переходу в стадию широкомасштабного геноцида армян, подтверждают, что он был естественным и закономерным результатом многовекового политического развития.

Единственный фактор, который все еще удерживал турецкое государство от перехода к политике физического уничтожения армянского народа, был связан с экономическими интересами эксплуатации. По

¹¹ U b i c i n l. Lettres sur la Turquie. 1-e partie, Paris., 1853, p. 45—49.

¹² Young George, Corps de droit Ottoman, vol. I. Oxford, 1905, p. 28, см. также: Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, p. 225.

¹³ Austin Henry Layard, Nineveh and Its Remains. London, 1848, p. 372.

мере того, как разбойничьи внеэкономические методы хозяйствования приводили к пауперизации армянского крестьянства, значение этого сдерживающего фактора уменьшалось. Вместе с тем, с конца века начала появляться турецкая буржуазия, которая не терпела инационального соперничества и это придавало геноцидности турецкого общества новые импульсы.

Такова историческая правда о предгеноциде армян. Положение армян было столь бесправным, а действия турецкого государства столь однозначно насильственными, ориентированными на ослабление и разрушение этой национальной группы, что оно уже тогда тщательно скрывало происходящее от взоров Европы. Француз Амедей Жобер, как было сказано, побывавший инкогнито в Армении в 1805—1806 гг., пишет, что турецкое правительство не желало, чтобы европейские путешественники посещали Армению. Начальник таможни Ахмед-бей с удивлением спрашивал его: «Забыл ли ты ту ненависть, которую мы испытываем по отношению к христианам? Разве ты не знаешь, что почти около 100 лет ни один европеец не проник в эту страну?»¹⁴.

Нет ничего удивительного, что после того, как стадия предгеноцида армян логически завершилась геноцидом—полным и повсеместным физическим уничтожением и изгнанием армян со своей исторической родины, стремление скрыть или фальсифицировать правду об истоках и предпосылках этого преступления стало предметом особой «заботы» турецкой официальной пропаганды.

**ՀԱՅԵՐԻ ՅԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՇՐՋԱՆԱԿՆԵՐԻ ԵՎ
ԺԱՄԱՆԱԿԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ. ՆԱԽԱՅԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆ**

ՅՈՒ. Գ. ԲԱՐՍԵԳՈՎ (Մոսկվա)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

«1915 թ. ցեղասպանության» մտացածին ստերեոտիպը հերքելը թուրքական կառավարողներին և համապատասխան կազմակերպություններին մատչելի է թվում, որովհետև դրանով մոռացության են մատնվում այն բոլոր հանցագործությունները, որոնք նախորդել են և հաջորդել ռազմական ժամանակաշրջանի հանցագործություններին: Դրանով նրանք ձգտում են հերքել նաև բուն պատերազմի ժամանակաշրջանի ցեղասպանությունը՝ իբրև եզակի և պատահական մի երևույթ: Մինչդեռ, հայերի ցեղասպանությունն ունի իր նախապատմությունը, երբ նախադրյալներ ու պայմաններ էին ստեղծվում բուն հանցագործությունը կատարելու համար: Հայրենական պատերազմի ընթացքում 1915—1923 թթ. ժամանակաշրջանի հայերի ցեղասպանությունը և մինչև օրս պատշաճ ուշադրություն չի դարձրել ո՛չ ցեղասպանության առաջին շրջա տասնամյակներին, որոնք նախորդել են այդ հանցագործության եզրափակիչ գործողությանը, և ո՛չ էլ, առավել ևս, նախազենոցիդի հինգդարյա ժամանակաշրջանին, երբ ձևավորվեցին 1876—1923 թթ. ցեղասպանության նախադրյալները:

**ON THE TIME LIMITS AND CHRONICLE OF ARMENIANS'
GENOCIDE. PREGENOCIDE**

Yu. G. BARSEGOV (Moscow)

S u m m a r y

The denying of invent stereotype of „Genocide of 1915“ seems to the Turkish government and corresponding organizations accessible, beca-

¹⁴ Voyage en Arménie et en Perse, fait dans les années 1805 et 1806, par P. Amédée Jaubert..., p. 12.

use by this all those crimes, which have preceded and followed the crimes of military time, are doomed to be forgotten. By this method they aspire also to deny the genocide, which took place right in the war time, as a unique and accidental phenomenon. Meanwhile, the genocide of armenians has its prehistory, when the premises and conditions were created to fulfill the real crime. The native sciences has meant the armenians' genocide from 1915 till 1923 and up to nowadays hasn't paid a pertinent attention neither to the first four decades of the genocide, which have preceded the final action of that crime, nor, more than that, to the pregenocide five century period, when the premises of genocide in 1876—1923 were formed.